

Нръ 5. Годъ XIX.

УНГВАРЪ.

1. марта 1903.

Л И С Т О КЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

И Р О Д Ъ,

ихъ династія, главные представители ея и ихъ историческая судьба.

(Продолженіе).

Блескъ огромнаго золотого орла никогда не переставалъ возмущати глаза благочестивыхъ іудеевъ, и, наконецъ, въ девятомъ году до Рождества Христова, когда обѣ Иродъ, здоровье и разсудокъ котораго до крайности расшатались, еще разъ распространилась молва, что онъ умираетъ, — два раввина Іуда, сынъ Сариѳовъ и Матеія, сынъ Маргалоѳовъ, при со участіи толпы порѣшили съ своими учениками сорвать этого ненавистнаго имъ идола. Былъ полдень. Храмъ переполненъ былъ народомъ. Ученики раввиновъ, не встрѣчая ни съ чьей стороны препятствія, по веревкамъ спустились съ кровли храма, чтобы снять золотого орла. И они, дѣйствительно, сняли его, и онъ съ громомъ повалился внизъ. При паденіи орелъ не совсѣмъ разбился, но чернь немедленно бросилась на него и, разбивъ его на тысячи кусковъ, стала затѣмъ громити всѣ другія языческія изображенія. Но въ это самое время, замѣтивъ буйство, начальникъ войскъ въ башнѣ Антонія произвелъ тревогу. Бросившись въ подземный проходъ, который вель въ одной изъ храмовъ дверей, онъ разсѣялъ мятежное собрище и арестовалъ сорокъ молодыхъ фарисеевъ, которые были приверженцами раввиновъ и пытались оказать сопротивленіе. Единственное ихъ оправданіе своего поступка, когда допрашивалъ ихъ Иродъ, состояло въ томъ, что они дѣйствовали по внушенію закона. Иродъ произвелъ жестокую расправу. Оба главныхъ раввина и тѣ изъ ихъ учениковъ, которые сбросили орла, были заживо сожжены. Остальные, принимавшіе участіе въ мятежѣ, были обезглавлены. Первосвященникъ Матеія былъ наказанъ за участіе въ этомъ заговорѣ, и на его мѣсто былъ назначенъ его своякъ Іоазаръ. Судъ надъ нимъ происходилъ въ Іерихонѣ, и раскрывшіяся на судѣ подробности еще болѣе растрявили сердце этого преступнѣйшаго и въ то же время самаго жалкаго изъ

царей. Въ тѣлесномъ, умственномъ и политическомъ отношеніяхъ онъ представлялъ уже крайне плачевную развалину. Но и наканунѣ своего разрушенія Иродъ еще имѣлъ достаточно силъ, чтобы удивити міръ кровожадностью и злодѣйствомъ

VIII. Послѣдніе годы жизни Ирода Великаго.

Прежде чѣмъ совершилась эта кровавая расправа изъ за римскаго орла въ самомъ семействѣ Ирода произошла новая смута, которая еще болѣе омрачила жизнь Ирода. Его сынъ Антипатръ вскорѣ убѣдился, что стоитъ только совершити первое преступленіе, какъ преступная волна охватить всего человѣка. Его братья Александръ и Аристовулъ послѣ двухъ безуспѣшныхъ попытокъ примиритися съ своимъ отцемъ были устраниены съ того кроваваго пути, который они старались продолжити себѣ къ мрачному пресуолу. Но Александръ оставилъ дѣтей, которыхъ весь народъ считалъ гораздо болѣе законными наследниками престола, чѣмъ Антипатра, котораго до крайности всѣ ненавидѣли. Единственной для него возможностью достигнуты этого было — устранити престарѣлаго Ирода, которому теперь было 69 лѣтъ отъ роду, послѣ чего легко уже будетъ отදлатися и отъ несовершеннолѣтнихъ внуковъ асмонейской Маріамны. Думая, что именно въ Римѣ и можно было лучше всего обѣлати свое дѣло, онъ постарался склонити на свою сторону Сатурнина, завелъ интригу съ рабыней императрицы Ливіи, по имени Акмой, которая, какъ ему думалось, могла быти полезной для него, подкупомъ склонилъ на свою сторону и многихъ другихъ, которые могли быти полезны для него. Не довольствуясь этимъ, онъ пытался возбудити подозрѣвіе въ душѣ своего отца противъ его братьевъ Архелая и Филиппа, что и слѣдалъ посредствомъ писемъ, отправленныхъ съ его вольноотпущенникомъ Батилломъ. Затѣмъ послѣдовали другія козни; во наконецъ вся эта сложная машина козней съ трескомъ разрушилась, раздавивъ всѣхъ тѣхъ, кто приводилъ ее въ движение.

Въ то время какъ Антипатръ пытался склонити Ирода брата Ферору отравити престарѣлаго царя, самъ Ферора запутался въ цѣломъ рядѣ фарисейскихъ козней. Передъ тѣмъ, какъ родится Господу Іисусу, языческій міръ былъ исполненъ ожиданій Мессіи. Изъ Тацита и Светонія мы знаемъ, что по всей римской имперіи ходила смутная молва, что въ это самое время на востокѣ родится человѣкъ, который овладеетъ всѣми царствами міра. Такъ даже поэты находились подъ влияніемъ этихъ ожиданій, и по случаю рожденія сына у Поліона Виргилій воспѣвалъ золотой вѣкъ, который долженъ быть наступити вскорѣ.

Фарисеи находились въ крайне возбужденномъ состояніи. Они разжигали эти мессіанскія надежды и пришли къ мысли воспользоватися

ими для своихъ политическихъ цѣлей. Желая во чтобы то ни стало отдѣлatisя отъ Ирода, они задумали сдѣлать царемъ Ферору, такъ какъ низкородная жена, изъ-за которой онъ поссорился съ Иродомъ, отказался отъ предлагавшихся ему царственныхъ невѣстъ и отправленъ былъ въ свою перейскую тетрапархію, — была горячей приверженницей ихъ секты и заплатила за нихъ штрафъ, наложенный на нихъ за отказъ отъ принятія вѣроподданнической присяги Ироду. О своихъ планахъ они говорили и разсуждали безъ всякихъ стѣсненій и прибѣгли даже къ очень странной уловкѣ. Въ домѣ Ирода былъ глуповатый, но честолюбивый евнухъ по имени Багой; съ цѣлью сmaniaти его на свою сторону, они внушили ему убѣжденіе, что на немъ должно исполнится пророчество Исаіи: »да не говоритъ евнухъ, что онъ древо сухое«, и что отъ него именно родится сынъ бездѣтному тетрапарху.

(Продолженіе слѣдуєтъ).

О славянскихъ языкахъ и литературахъ.

Языкъ и литература словаковъ.

(Продолженіе.)

Мотивы, которыми Дакснеръ и Паларикъ поддерживали свой проектъ, были эпохальны. Главные журналы турчанскій бар. Симеонъ Рейваи, липтовскій Мартинъ Сентъ Иванъ, и сеймовый депутатъ Йосифъ Юстъ и многіе другіе изъ словенскихъ гражданъ съ одушевленіемъ отзывались о словенскомъ вопросѣ. Однако печать, даже братская, посыпала протесты противъ словацкаго меморандума, сеймъ замолчалъ о немъ и онъ остался безъ всякихъ послѣдствій. Сеймъ 22-го августа 1861 былъ развязанъ, а 5-го ноября наступилъ второй провизоріумъ.

Въ это время падаетъ пеусыпная и многосторонняя дѣятель-

ность Виліама-Павлини-Товта, который въ шестидесятыхъ годахъ сдѣлался предводителемъ словацкой беллетристики. Оставивъ 20-го октября свою должность, перешелъ изъ Кечкемейта въ Будинъ. Его часописи, которые тамъ издавалъ: юмористическо-сатирическій »Чернокнижникъ« (отъ 1861) года и забавно научный »Соколь« (отъ 1862) для словацкой письменности составляютъ краеугольный камень того десятилѣтія: тотъ и словомъ и картилами съ неисчерпаемымъ юморомъ и бичевалъ терроризмъ и уродство эпохи, а этотъ собралъ всѣхъ доровитыхъ писателей и воспитывалъ свѣжія силы, и будиль посредствомъ корреспонденцій изъ всѣхъ сторонъ, признательность и широкую популярность для редакціи. Какъ котда-то »Орелъ« Штура, и неодолга »Пріятель« Радлипскаго: такъ теперь »Соколь«

и »Чернокнижникъ« сдѣлались очагами новой дѣятельности словенской письменности и будителями общественной жизни.

Другій провизоріумъ благопріятствовалъ народностямъ по крайней мѣрѣ на время. Подъ водительствомъ епископа Мойзеша 12 Декабря 1861 отправилась въ Вѣну депутація, которая подала Его Величеству вслѣдствіе прошеніе объясняющее memorandum и его доказательства. Тогдашнее положеніе края недопустило, чтобы желанія, находящіяся въ немъ вошли въ жизнь, однако вслѣдствіе этого явилось облегченіе въ иномъ отношеніи. Въ верхне-угорскихъ школахъ и словацкій языкъ увзглядненъ, особенно въ гимназіи банско-бистрицкой, управляемой умѣлой рукой Чуленовой, въ чиновствахъ словенщина хотя и не сдѣлалась избалованною принцезой, однако осталась терпимой попелушкой, и словакамъ никто пе препятствовалъ содерживать среднія школы на свой счетъ. Великая Ревуча 1862 года отворила высшую еванг. гимназію, Турчанскій св. Мартинъ года 1866 низшую, Клашторъ подъ Звѣзовомъ года 1869 низшую католич. реальную гимназію.

Но наибольшимъ выигрышемъ оказалось для словаковъ, въ часъ второй провизоріи, основаніе и укрѣпленіе литературнаго общесгва »Словенской Матицы«. Мысль основанія сего общества появилась въ словацкомъ юньскомъ народномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ Францисци. Для 21-го августа 1862 Его Величество подписалъ актъ, 4-го поября дочасный комитетъ

объявилъ объ этомъ народу, а 4 августа 1863 Турчанскій св. Мартинъ принималъ первое общее собраніе общества. Народъ участвовалъ въ собраніяхъ тысячами, имѣніе общества уже первого года взросло до 100,000 гульд. Зачалъ сооружатися просторный домъ для общества, словацкія книги, старина, рукописи получили центръ, — интеллигенція и воспрянувшія отъ сна низшія среди тянули къ средоточію своей духовной жизни. Съ 1863 Кирилло-Меѳодіевскимъ годомъ начинается дѣятельность общества подъ предсѣдательствомъ дѣйст. тайн. Совѣтника, епископа Мойзеша, черезъ двѣнадцать лѣтъ просвѣщающая народъ. Изъ собраній матицы выходили литературныя и культурныя эпизоды, распространяющіеся все шире и шире; это были праздники увольненнаго словенскаго духа, достойныеувѣковѣченія умѣлымъ перомъ. Первый пѣвецъ, осиѣвающій колыбель новой народной жизни, былъ: Андрей Сладковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Любовь церкви и обряда.

Написалъ: Г. А. П.

(Продолженіе).

Всѣ христіане первыхъ вѣковъ, какого бы они ни были сословія, заявляли Іисусу Христу слою любовь въ такомъ смиреніи, что не взирали они на то, ци избранное мѣсто на богослуженіе выгодное и отвѣтное ихъ обстановкѣ домашнай,

и ихъ становищу въ общественной жизни: они шли къ богослужебніямъ все равно въ день, или въ ночи, въ чю хату, или въ шопу, въ погребъ или въ пещеру, въ лѣсъ, или на какое-тамъ кладбище, по дорогѣ гладкой, или вертепистой. А всѣ изъ нихъ несли къ богослуженіямъ бездремонно, и искренно добросердечно все то, что духовными настоятелями церквей нести было установлено. А въ тѣхъ-то до поры оставленныхъ нужденыхъ церквахъ — о Боже! якъ же искренно и пламенно молились они! И было имъ тамъ хорошо, ибо владѣла межи ними истиннохристіанская взаимная братская любовь, и чувствовали они въ несокрушимой своей вѣрѣ между собою присутствие своего сладчайшаго любимца, Божественнаго Учителя Іисуса Христа. Тяжело гонимымъ и на выисканныя муки осужденнымъ христіанамъ было и такъ успокоительно Христа славословити и Ему служити, по для самаго величія вѣры и церкви Христовой было то недостаточно. Время украшенія вѣры и церкви Христовой кровью мучениковъ приближалось ко своему концу, — уже должна была та вѣра и церковь возторжествовать, процвѣсти.

Царю Константину В. является на небѣ ясный крестъ съ надписью: »симъ знакомъ«, т. е. вѣрою въ Распятаго на крестѣ, побѣдишь. И принимаетъ многотысящное войско Константина на грудь свою знамя креста, и спѣшить онъ во имя Распятаго на врага, чтобы, побѣдивши его, дати пародамъ мирное пожатіе, ну — и побуждаетъ

онъ врага, а послѣ того подносится вѣра Христова до первенствующей, торжествующей.

Теперь настало время неремѣнити выбранныя, нужденныя и невидыя христіанская молебныя мѣста на видныя, выгодныя, великолѣпныя церкви. Простый вѣрующій народъ ссыпуетъ свои лепты, а вельможи, князи и цари даютъ полными пригоршами золотаго гроша, серебра, зата и всякихъ другихъ драгоцѣнностей, чтобы повсюду воздвигнути славные христіанскіе Божіи Домы съ сіяющими на верху крестами, яко знаменами найвысшей чести, счаствия и спасенія.

Читаемъ въ одномъ мѣстѣ св. Ев., что любви хочетъ отъ насъ Іс. Хр. а не жертвы, но то должно такъ розумѣти, что предъ всѣмъ требуетъ Онъ отъ насъ любви, а послѣ принимаетъ радо и жертву, которая также отъ любви походити должна. Что любить Хр. и жертву, доводомъ суть слова Его, которыми онъ хвалить пожертвованіе для себѣ па одной женѣ, изліявшѣй стаканъ мира на голову Его: »Что труждаете жену? Доброе дѣло содѣла о мнѣ. Аминь, бо глаголю вамъ, идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ память ея. (Мат. 106.)

Теперь не ограничивались помыслы для возвеличенія христовой вѣры на самыхъ вѣрующихъ простыхъ христіанъ; тую милую обязанность взяли на себе христіане всѣхъ высшихъ и найвысшихъ словій.

На счастливую мысль отъисканія

св. креста, па которомъ распять былъ Спаситель міра, впадаетъ не кто-нибудь пересѣчный человѣкъ, только благочестивая дарица Елена. Ко созданію прекрасныхъ, импонующихъ и великолѣпныхъ храмовъ даютъ средства, помыслы и планы, высокоеобразованыя и высокооставленыя лица со славноизвѣстными архитектами. Изъ всего тога вытворяется, особеный стиль и обрядъ, стиль для строенія, а обрядъ для устройства и богослуженія въ христіанскихъ церквахъ. Какъ что до созиданія церквей, то такъ и что до удовлетворенія потребамъ обряда, ревнуютъ одни христіане по надъ другими; женщины шіютъ и вышиваютъ всякія церковныя ризы, ручники и обрусы, а мужчины изо всѣхъ сословій учатся прильжно церковному пѣнію и уставу, и вѣтъ различія сословнаго что до участія въ церковномъ пѣніи по крылосамъ и на хорахъ. »Всякое дыханіе да хвалитъ Господа«, и дѣйствительно хвалило колись то всякое дыханіе Господа въ христіанскихъ церквахъ — на славу и спасеніе.

Прошу только прочитати изъ ч. 2. додатка до „Нивы“ за 1893 годъ опись постройки въ свое время величавославнаго Собора св. Софіи въ Цареградѣ. Созданіемъ того монументальнаго Собора занимался самъ царь Юстиніанъ. »И въ знойный полуденныи часъ, когда всѣхъ по обыкновенію клонитъ ко послѣ обѣдному отдыху, можно было постоянно видѣти Ю-

стиніана, одѣтаго въ тунику изъ простаго холста и, съ суконною повязкою на головѣ, обходившаго, съ палкою въ рукахъ, работы: онъ разяснялъ встрѣчавшіяся недоумѣнія, разрѣшалъ возникавшія иногда сомнѣнія относительно того или другаго способа осуществленія различныхъ подробностей плана. Царь не переставалъ лично вдохновляти рабочихъ, обнадеживая, торопя ихъ къ возможно лучшему и скорому исполненію возложенныхъ на нихъ работъ, — лучшимъ изъ нихъ онъ тутъ-же раздавалъ подарки, нерадивымъ и лѣнивымъ дѣлалъ строгіе выговоры« (стр. 341).

(Продолженіе слѣдуєтъ).

Воскресеніе.

(Повѣсть).

(Окончаніе).

Услышитъ теперь голосъ дячка Петра, какъ онъ съ краснолѣніемъ поетъ »Воскресенія день...« Вправдѣ мало найти такихъ дьяковъ какъ этотъ Петръ, дорогій голосъ имѣеть, красный напѣвъ уживаетъ. Мало паремвый человѣкъ, правда, но гдѣ человѣка найти беѧть порока. Разъ и съ нимъ сважался въ едну задушнюю субботу на приносѣ! Но то давно было, уже оба два забыли о томъ... Но вдругъ старикъ Іероѳей съ минувшаго, па будущее пробудился. Помахалъ головою. Ей, ей на якія пустыя дѣла, думаетъ онъ пока множество людей въ церкви теперь молится и поетъ!

Застыдился старикъ, перекрестился, отворилъ молитвословъ на 469 страницъ и зачалъ читати утреню на святую и великую недѣлю пасхи. Читалъ онъ благоговѣйно всѣ пѣсни св. Домаскина, но вотъ уже звонять на »Ангелъ воліяше« встаетъ старикъ изъ стула и падаетъ отъ слабости обратно. Молится теперь тихинъко: »Воскресшій Спасителю мой! Званіе и сердце мое на служеніе Твое готово. Веди мене къ Твоему Олтарю или тутъ на земли или тамъ на другомъ свѣтѣ...«

Вонъ зачало зоряти Гавріилъ около церкви святитъ пасхи, ибо еще и въ Вышнее село нужно ему ити святити. Освященіе окончено старики, бабы, жены, и юноши, дѣти всѣ бѣгутъ съ пасхами домой, и здороваются: »Христосъ Воскресе!. Ихъ голосъ, бѣжущихъ за рѣку коло фары слышитъ старикъ Іероѳей, и отвѣчаетъ; Воистину воскресе!« и тутъ присихъ словахъ выпадаетъ Молитвословъ изъ его рукъ на землю, перестанетъ его сердце бити. Изъ тѣла его отлучится его душа, и переходитъ на другій свѣтъ, тамъ гдѣ Воскресшій Спаситель живеть! Гавріилъ посвятивши пасхи подумаетъ о хворомъ старикѣ, и спѣшить въ комнату поздравити своего настоятеля »Христосъ воскресе!« глаголеть онъ. Іероѳей старикъ слышитъ уже его поздравленіе изъ другаго свѣта, куда пошелъ, чтобы дати отвѣтъ за свою паству царю пастырей Христу Богу!

Сообщаетъ: Ласкавый.

Памятники изъ жизни русскихъ юношей въ Острогомъ.

(Окончаніе.)

Поелику о службѣ святой есть слово, приклочу и слѣдующее примѣченіе:

»Напоминаю васъ братья, упражняйтесь въ русскомъ языке, если любите свою восточную русскую літургію. Падающе ибо словесность, словомъ языка, уничтожится и русская літургія. Вотъ, и иные мотивы напрягаютъ усердіе къ дѣлу, къ упражненію въ русскомъ языке. Вдругъ не кажется, яки серьезны, вѣсисты сіи слова. Но если глубже глянетъ созерцатель, весьма великий результатъ можетъ заключити. Нашей літургіи великая подпора языкъ русскій, и наоборотъ языку подпора наша літургія. Если мы откажемся отъ своего языка, тогда трудно прильплюти и літургіи.

Якъ хороши, оставленныя дѣти, когда надъ усопшимъ своимъ отцемъ, съ поникнутымъ челомъ слезы печали источниками проливаются и тихое моленіе о душѣ усопшаго приносятъ, такъ и сіи богословы жгучую болѣзнь выражаютъ подъ титуломъ: »Ламентациіи грековъ«, на вѣсль того, когда ихъ любезный отецъ, епископъ Іоаннъ Пастельи упокоился.

Таки и иныя примѣченія находятся здѣсь которые ясно выражаютъ чувства здѣсь »труждающихся«. Сіи лишь развалины касательно другихъ. Дерзновеніе было отъ меня, когда я взялся сіи примѣченія сообщити, ибо словно святилище рушилъ. Но чтобъ не потерялись и чей что нибудь и хо-

рошаго найдется въ нихъ въ пользу общую,proto намъряль я ихъ сообщити. Высокопреподобные священники, здѣсь бывшіе чей еще вспомнутъ все это.

Іванъ Юр. Бунганич.

Слово въ день благовѣщенія пресвятыя Богородицы.

1909. Февраль.

Радуйся Благодатная: Господь съ тобою
(Лук. 1, 28).

Такъ привѣтствовалъ пресвятую Дѣву Марію Архангель Гавріилъ, посланный отъ Бога возвѣстити о безсѣменномъ зачатіи отъ нея Іисуса, Сына Божія.

Благовѣстіе, по истинѣ, достойно великой радости. Вѣки и тысячи-челѣтія протекли съ того времени, какъ Богъ обѣщалъ прародителямъ, что Съмѧ жены сокрушитъ главу змія обольстителя, — разрушить царство діавола, и между тѣмъ святые праотцы, пророки и всѣ ветхозавѣтные праведники умерли въ вѣрѣ, не получивъ ожидаемаго (Евр. 11, 13); они только издали очами вѣры созерцали обѣтованнаго Искунителя. Богъ, по премудрымъ судьбамъ Своимъ, медлилъ послати въ міръ Утѣху Израилеву, Чаяніе языковъ, обѣтованнаго Спасителя міра.

Наконецъ предопределеное время настало. Ангелъ Господень уже возвѣстилъ праведному Захарію о рожденіи отъ него сына, который, по предсказанію небеснаго вѣстника, исполнится Духа Святаго еще изъ чрева матере своея; и многихъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ; и предидетъ предъ Нимъ духомъ и силою Ильиною (Лук. 1, 15—17). Но отъ кого рожится обѣтованный Избавитель, сей Свѣтъ языковъ и Слава Израїля? Какая Дѣва, въ исполненіе пророчества Исаина, въ чревъ зачнетъ, и родитъ Сына — Емануила (Ис. 7, 14)? Эта тайна еще была покрыта завѣсою неизвѣстности.

И вотъ, въ мѣсяцъ шестый, послѣ откровенія, бывшаго праведному Захарію во храмѣ іерусалимскомъ, Ангелъ Гавріилъ посланъ былъ отъ Бога въ галилейской городъ Назаретъ, къ Дѣвѣ Маріи, изъ дома Давида, возвѣстити о зачатіи отъ нея, наитіемъ Святаго Духа, Іисуса, Сына Вишняго, Сына Божія. Ангелъ, представъ святой Дѣвѣ, привѣтствуетъ ее, радуйся Благодатная, и причину сей радости показываетъ въ приближеніи къ ней Господа съ Его неизреченныемъ благоволеніемъ: радуйся Благодатная: Господь съ тобою: благословенна ты въ женахъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се значнеши во чревъ, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ (Лук. 1, 31. 32).

Воспоминая великое событіе благовѣщенія о пресстественномъ зачатіи отъ преблагословенной Дѣвы Бога Сына, Спасителя міра, и мы нынѣ прославляемъ Богозбранную Марію архангельскимъ гласомъ: *ридуйся, Благодатная; Господь съ тобою.*

Благовѣстіе Архангела принесло великую радость всему міру: ибо всѣмъ ожидавшимъ Спасителя оно возвѣтило о приближеніи спасенія. Потому нынѣ и къ всѣмъ христіанамъ можно говорiti: *радуйтесь облагодатствованые: Господь съ вами.* — Сынъ Божій, Спаситель міра, воспринявъ *наше человѣческое естество*, отъ преблагословенной Дѣвы, и, *совершивъ* Своими заслугами примиреніе Бога съ человѣкомъ, теперь близокъ ко всѣмъ вѣрующимъ въ Него, и всегда съ нами, дѣйствуя въ насъ Свою благодатію. Самъ Онъ сказаъ ученикамъ Своимъ: *се Азъ съ вами есмъ во вся дни, до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20).

Счастливъ и блаженъ, кто всегда носить въ своей душѣ эту благодатную радость; кто всегда радуется о томъ, что Господь съ нимъ, и онъ съ Господомъ. Одна эта радость есть истиня: она истинно радуетъ человѣка, усовершаетъ его, возвышаетъ наше земное счастіе, не оставляеть въ *весчастіяхъ* и въ смерти, и переходитъ съ человѣкомъ въ жизнь вѣруюю. Объяснимъ это. Будьте внимательны.

Совершенство радости бываетъ соразмѣрно тѣмъ предметамъ, которые насъ радуютъ. Тлѣнныя и скоропреходящія вещи не могутъ доставити истинной радости существу нетлѣнному, безсмертному. Поэтому всѣ земные удовольствія, доставляемыя скоропреходящими предметами, не могутъ сообщати нашей душѣ истинной радости. Это знаетъ каждый, кто только послѣ наслажденія какими либо чувственными удовольствіями былъ внимателенъ къ самому себѣ и наблюдалъ внутреннее состояніе своей души. Обыкновенное слѣдствіе такихъ удовольствій — недовольство самимъ собою, тяжелое чувство внутренняго лишенія и пустоты, и даже для невнимательного къ себѣ — безотчетная скука и томленіе. Такое состояніе каждый разъ напоминаетъ человѣку о его великой обязанности — на землѣ жити не для земли, а для неба, и въ продолженіе временной жизни всегда болѣе искати благъ не временныхъ, но вѣчныхъ.

Только въ Богѣ наша душа находитъ истинную радость: потому что Богъ вѣченъ и всесовершень; а душа носить въ себѣ образъ Его, и по своему естеству стремится къ соединенію съ Нимъ какъ своимъ первообразомъ. Нѣть сомнѣнія, что благочестивые слушатели знаютъ изъ собственного опыта, какъ вожделѣнна радость въ общеніи съ Богомъ, и какъ глубоко наполняетъ она душу человѣка благовѣйными восторгами, когда и умъ и сердце ~~стремяется~~ къ Богу. А пеиспытавшіе, доколѣ не узнаютъ изъ собственного опыта, должны вѣрити тому, кто испыталъ и непогрѣшительно свидѣтельствуетъ. Таковъ говорящій: *предзрѣхъ Господа предо иною выну: сего ради возвеселися сердце*

мое, и возрадовася языкъ мой; еще же и плоть моя веселится на упованїи (Пс. 15, 9). Всегда созерцая предъ собою Бога, царственный Пророкъ, предъизображавшій въ себѣ Господа Спасителя, наслаждался такою радостію, которая, преисполнняя душу и тѣло, открывалась и чрезъ уста его. Восторженный радостію, онъ взываетъ: *что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли! Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкѣ* (Псал. 72, 25. 26).

Радость, почерпаемая въ Богѣ, имѣеть несравненное превосходство предъ всѣми другими радостями. Не говорю о тѣхъ радостяхъ, можно сказать не человѣческихъ, которые унижаютъ человѣка до состоянія неразумныхъ животныхъ, — но и радости, называемыя невинными или благородными, если онѣ не приближаютъ насъ къ Богу, не питають любви къ Нему, — то сами по себѣ обыкновенно ослабляютъ внутреннюю жизнь духа, питають въ душѣ разсѣянность и нерадѣніе о спасеніи, охлаждаютъ ревность къ благочестію и привязываютъ къ землѣ. А радость въ Богѣ не такова. Она не разсѣиваетъ душу, а собираетъ въ себя — къ созерцанію Бога, не надмеваетъ ее, но смиряетъ, не привязываетъ къ землѣ, но возвышаетъ къ небу, питаетъ благоговѣніе къ Богу, возбуждаетъ къ благодаренію и прославленію Его за неисчислимыя благодѣянія, которыми всегда мы пользуемся. Такъ Пророкъ Божій, десницею Господеню спасенный отъ козней враговъ, восторгомъ радости возбуждается къ прославленію своего Спасителя Бога: *возрадується сердце мое о спасеніи Твоемъ, взываетъ онъ, воспою Господеви благодавшему мнъ, и пою имени Господа Вышняго* (Пс. 12, 7). Въ состояніи благодатной радости человѣкъ охотнѣе помогаетъ нуждамъ ближняго, благодушнѣе переносить оскорблениія отъ другихъ, снисходительнѣе судитъ о погрѣшностяхъ брата. Объ этой радости можно сказать то же, что Апостолъ говоритъ вообще о святой любви: она *долготерпитъ, милосердствуєтъ, не завидитъ, не провозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ* (1 Кор. 13, 4—7).

Незнакомые съ духовною радостстю изъ опыта думаютъ иногда, будто, *кто хочетъ имѣти радость въ Богѣ, тотъ долженъ лишиться всѣхъ земныхъ утѣшеній*. А на самомъ дѣлѣ бываетъ противное. Кто, посредствомъ благочестія и добродѣтели, ищетъ радости въ Богѣ; для того, по благости Божіей, возвышается и земное благополучіе. Господь, по слову Писанія, *призираетъ на смиреніе радующихся и веселящихся о милости Его, спасаетъ отъ нуждѣ душу ихъ, и поставляетъ на пространнь нозъ ихъ* (Пс. 30, 8. 9); *даєтъ имъ отъ росы небесной и отъ туха земли и множество пшеницы и вина* (Пс. 27, 28). Хорошо испытавшій пути промысла Божія говоритъ: *юнийній быхъ, ибо состаръхъся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже съмене его просяща хлѣбы. Весь день милуетъ, и взаимъ даетъ праведный, и съмъ его во благословеніе будетъ. Егда падетъ, не разбієтся, яко*

Господь подкрепляет руку его (Пс. 36, 34—36). Земное счастіе для радующихся въ Богъ много возвышается уже и тѣмъ, что ози свободы отъ тяжкихъ упрековъ совѣсти, которые порочнымъ не даютъ спокойно пользоватися земными благами. Потому благочестивому человѣку и малая доля земного счастія доставляетъ болѣе утѣшенія, нежели большое счастіе нечестивому и порочному человѣку, неимѣющему душевнаго спокойствія. Въ Писаніи сказано: *Лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа* (Пс. 36, 16). *Лучше частица малая со страхомъ Господнимъ, нежели сокровища велія безъ боязни* (Притч. 15, 16). Богатый земными благами, но лишенный радости и мира въ Богъ, еслибы понималъ великую цѣну сего блага, — сталъ бы завидовать тѣмъ бѣднымъ, которые, ничего не имѣя въ этомъ мірѣ, наслаждаются однакожъ миромъ и радостію въ Богъ.

Преходитъ образъ міра сего. Проходятъ скоро и всѣ земныя радости съ всѣми благами, коими онъ питаютъся. Но не такова радость въ Богъ. Кто имѣеть сію радость и всегда хранитъ ее, исполненъ заповѣди Божіи: тотъ владѣеть сею радостію среди всѣхъ превратностей этой жизни; потому что она проистекаетъ изъ источника вѣчной и неизмѣняемой благости Божіей. Кто радуется въ Богъ, всегда стараясь благоугождати Ему: тотъ, если, по волѣ Божескаго промысла, и всего лишается на этой землѣ, — еще остается обладателемъ величайшаго сокровища, то есть Бога. Богу онъ вседѣло предается; на Него возлагаетъ всѣ свои надежды, и въ Немъ всегда находитъ утѣшеніе и радость. Сею радостію подкрепляемые говорять: *душа наша часть Господа, яко Помощникъ и Защититель нашъ есть; яко о Немъ веселится сердце наше, и во имя святое Его уповахомъ* (Пс. 32, 20. 21). *Богъ намъ прибѣжище и сила въ скорбехъ обрѣтишихъ ны зльо. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская* (Пс. 45, 2. 3).

Этотъ міръ ничего не можетъ дати человѣку для подкрепленія и утѣшенія его въ часъ смерти, въ тотъ часъ, когда душа его, по опредѣленію Божію, надобно будетъ оставить сію хижину плоти, и переселится въ страну вѣчности. Владѣющій большимъ богатствомъ и полагающійся на цѣну его, пусть подумаетъ и скажетъ самому себѣ: что надѣется онъ изъ своего богатства удержати при себѣ въ тотъ часъ, когда будетъ переходить въ другую жизнь? — Ничего не возметъ съ собою; все останется здѣсь. А если пристрастіе къ богатству, или къ чувственнымъ удовольствіямъ, будутъ обладати имъ до послѣдняго часа: то безутѣшная скорбь, страхъ и отчаяніе ожидаютъ его на краю сей жизни.

Но имѣющій миръ и радость въ Богъ, и стоя на послѣдней ступени этой жизни, когда все земное предъ нимъ исчезаетъ, храмина тѣла его разрушается, и мракъ недовѣдомой будущности предъ нимъ распространяется, — и тогда не остается безъ надежды и успокоенія

въ Богъ: ибо все его богатство въ Богъ, на Бога онъ уповаєтъ и Ему всецѣло предається. А Богъ есть Владыка жизни временной вѣчной, и отходящій въ страну вѣчности съ крѣпкою любовію къ Богу не удаляется отъ Бога, а приближается къ Нему. Такъ живущіе въ Богъ съ упованіемъ говорятъ: *аще и пойду посредъ сльни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Боже, со мною еси* (Пс. 22, 4). *Аще бо живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. 14, 8). *Мнъ бо еже жити, Христосъ, и еже умерти, пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21), говоритъ апостолъ Павель.

Такова, братія, радость, которой наслаждаются благочестивые люди, живущіе по заповѣдямъ Божіимъ. Всѣ наши земные радости непостоянны, какъ благопріятная погода, обманчивы какъ призракъ, проходятъ какъ тѣнь; а благодатная радость сопутствуетъ благочестивымъ до послѣдняго предѣла настоящей жизни, и въ часъ смерти не оставляетъ ихъ, а переходитъ съ ними въ жизнь вѣчную, и тамъ, во свѣтѣ лица Божія, возвысится въ ту неизглаголанную радость, которой наслаждаются Святые Божіи въ блаженыхъ обителяхъ Отца небеснаго.

И такъ, кто желаетъ совершенішаго счастія, ищи радости въ Богъ, источникѣ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Безпечно предающіяся разсѣянности и земнымъ удовольствіямъ, взыщи этой истинной радости въ Богъ, чтобы тебѣ подъ конецъ жизни не быти безутѣшнымъ. Раболѣпствующій идолу богатства, прильнись всею душою къ Богу, чтобы въ Немъ имѣти истинную радость и неветшающее сокровище. Бѣдные, утѣсняемые, больные, всѣ скорбящіе отъ чего бы ни происходила ваша скорбь, ищите утѣшенія и радости въ Богъ, въ любви къ Нему, въ преданности Ему, въ непоколебимомъ упованіи на Него: Онъ щедръ и милостивъ ко всѣмъ любящимъ и призывающимъ Его. Всѣ мы, какъ призванные во Христѣ къ наслѣдію благъ вѣчныхъ, должны искати сей благодатной радости, чтобы, нося въ душѣ этотъ залогъ блаженства небеснаго, всегда ревностно стремитися къ отечеству небесному, не ослабѣвая среди скорбей и несчастій, и не обольщаюсь никакими земными радостями.

Христосъ Спаситель и Богъ нашъ, молитвами пречистыя Своя Матери, да сподобитъ всѣхъ насть быти причастниками совершенной радости въ Немъ, и во дни настоящей жизни, и въ нескончаемой вѣчности, во славу Его, со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь.

Нръ 6. Годъ XIX.

УНГВАРЪ.

15. марта 1903.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ИРОДЫ,

ихъ династія, главные представители ея и ихъ историческая судьба.

(Продолженіе)

Кромѣ того фарисеи склонили въ пользу своего замысла и красиваго юношу Кара, одного изъ тѣхъ придворныхъ приживаловъ, которые массами жили при дворѣ іудейскаго царя, потворствуя и удовлетворяя его восточной порочности. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончился этотъ замыселъ, но вслѣдствіе подозрительной проницательности Саломіи и глупой болтовни Багоя заговоръ былъ раскрыть и какъ евнухъ такъ и царскіе любимцы съ ихъ религіозными сторонниками закончили свою жизнь на эшафотѣ.

Но вотъ совершился послѣдній и самый ужасный актъ этой трагедіи. Ферора поклялся, что никогда опять не возвратится къ Ироду, и въ это самое время заболѣлъ. Иродъ, въ которомъ, несмотря на всѣ ужасныя события его жизни, не потухла окончательно искра естественной чувствительности, которой продолжалъ любити своихъ прекрасныхъ спутницъ — Александра и Аристовула, любилъ, несмотря на всю ихъ порочность, свою сестру Саломію, своего дядю Іосифа и своего брата Фазаила, — при вѣсти о болѣзни своего брата почувствовалъ жалость къ нему. Безъ всякаго приглашенія онъ отрпавился посѣтии его на одрѣ болѣзни. Ферора до глубины сердца былъ тронутъ этимъ визитомъ. Онъ примирился съ своимъ братомъ и умирая вѣльѣ своей женѣ бросити въ огонь тотъ ядъ, который присланъ былъ ему Антипатромъ съ цѣлію отравити царя.

Но когда окончились великолѣпныя похороны Фероры, къ Ироду явились двое вольноотпущенниковъ съ обвиненіемъ противъ жены умершаго четвертovластника, что она отравила своего мужа. Они доносили, что Дорида, негодная мать порочнаго Антипатра, затѣла преступную интригу между своимъ сыномъ и женою Фероры. Чтобы достигнуть своей цѣли, она достала ядъ отъ какихъ то арабскихъ женщинъ и

отравила имъ умершаго тетрарха — четвертovластника. Вслѣдствіе этого доноса вѣкоторые изъ рабовъ Фероры были арестованы и, когда были подвергнуты пыткѣ, то сознались между прочимъ въ томъ, что самъ Ферора получилъ ядъ отъ Антипатра съ цѣлью отравить Ирода. Когда жена Фероры была подвергнута допросу, то созналась въ своей винѣ и, взойдя на кровлю дворца, сбросилась оттуда. Однако она не убилась до смерти и въ отвѣтъ на клятвенное завѣреніе Ирода о прощении ей созналась, что ядъ былъ привезенъ отъ Антипатра его дядей Февдіономъ, и что когда Ферора, тронутый посѣщеніемъ его на смертномъ одрѣ своимъ братомъ, приказалъ ей сжечи этотъ ядъ въ его присутствіи, что она и исполнила, оставивъ только немного для того, чтобы отравится самой, если Иродъ худо отнесется къ ней. При такомъ положеніи находилось дѣло, когда прибылъ вольноотпущенникъ Антипатра Батиллъ, при которомъ оказался еще болѣе сильный ядъ, привезенный Доридѣ и Ферорѣ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ преподнесъ его царю. Тогда Иродъ, убѣдившись, гдѣ источникъ всѣхъ козней, написалъ Антипатру любезное письмо, вызывая его домой и намѣренно не возбуждая въ немъ опасеній, чтобы онъ не скрылся. Странно, что хотя всѣ эти козни происходили довольно долго, Антипатръ ничего не зналъ о нихъ. Иродъ съ негодованіемъ вторично осудилъ Дориду, лишилъ ее всѣхъ ея богатствъ, но все это представлено было Антипатру какъ ничтожное недоразумѣніе, которое будетъ устраниено по его прибытія. Узнавъ, что Маріамна, дочь Симеона, также замѣшана была въ недавнемъ заговорѣ, Иродъ развелся съ нею, низложилъ ея отца Семона-бенъ-Воеѳа съ должности первосвященника и на его мѣсто поставилъ Натеія. Многихъ рабовъ онъ подвергъ пыткѣ и между ними довѣреныхъ агентовъ своего сына. И однако Антипатръ ни слова не слышалъ объ этихъ событияхъ. Іосифъ Флавій объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что всѣ дороги находились подъ строжайшимъ наблюденіемъ и что Антипатръ, будучи безпримѣрнымъ чудовищемъ всякой порочности, былъ настолько ненавидимъ и нелюбимъ всѣми, что никто не хотѣлъ предостеречи его заблаговременно объ угрожавшей ему опасности. Его мати Дорида отправила ему тайное письмо, предостерегая его не прїѣзжати изъ Рима; но рабы, съ которыми было отправлено письмо, были арестованы и письмо перехвачено. Іосифъ Флавій прибавляетъ, что какъ будто тѣни Александра и Аристовула, которые по проискамъ Антипатра были преданы смерти и продолжали своими привидѣніями наводити страхъ на всѣхъ обитателей Ирода въ дворца, заключили уста всѣмъ, кто могли бы извѣстити ихъ вѣроломнаго убійцу о предстоявшей ему участіи.

(Продолженіе слѣдуєтъ).

деждъ опровергалъ красивыми картинами зимней жизни (»Клзачка«), Тетрадь его стихотвореній сдѣлалась повседневною потребностью, насущнымъ хлѣбомъ, дробѣйшиє кусники и пѣсни обнародованы отъ Ѣльно.

Это было совсѣмъ природно, что послѣ совѣщаній о меморандумѣ, въ этомъ всеобщемъ радостномъ настроеніи, отозвался могучій голосъ, чтобы первый пѣвецъ народа въ стихахъ прославилъ отъ столѣтій первое народное одушевленіе. Сладковичъ долженствовалъ опѣти выступленіе политическое Словенства. Въ осѣни 1861 появился въ Будиѣ народный эпосъ »Свято-мартинаада«, Авторъ находился въ тяжеломъ положеніи. Онъ долженъ былъ управляти своимъ воодушевленіемъ, изъ дѣятелей сдѣлать сказочныхъ героевъ, — изъ повседневныхъ произшестзій — сказку для поѣсти, — при этомъ должна была пасти и первокласная сила. Но Сладковичъ весьма умѣло разрѣшилъ предстоящую ему задачу: онъ подложилъ живую дѣятельность, монотонному, неплодоносному факту политического конгресса: воодушевляль къ дѣятельности, предлагая въ перспективѣ лучшіе часы, представилъ лучшихъ витій, указывая на характеристическія черты ихъ выступленья, и выдвигая ихъ предводящія идеи (съ нихъ представленъ Стефанъ Маркъ, Дакснеръ) самымъ даровитымъ образомъ. Такимъ способомъ Сладковичъ сдѣлалась поэтическимъ фотографомъ политическихъ особъ, объяснителемъ современныхъ событій и свидѣтелемъ общественной жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Любовь церкви и обряда.

Написалъ: Г. А. П.

(Продолженіе).

Прошу вчитатись въ широко-обработанную исторію изъ временъ 10, 11, 12 и др. столѣтій о владѣніи на Руси князей-христіанъ, или по крайней мѣрѣ повѣсть нашего дорогого писателя Василія Залозецкого »Половецкая моленница«, то узнаеть всякий о той преданности русской интеллигенціи, совсѣмъ неизнамая ви бояръ, ни князей ни великихъ князей и высшихъ полководцевъ, — о преданности для своей церкви и для своего обряда. Не то св. Литургіи, но и вечерни, утрени и всѣ др. богослуженія не служились безъ ихъ присутствія, во что еще больше: всѣ они сѣдали въ крылосы и спѣвали заодно съ церковными пѣвцами или выручали ихъ. У нихъ было то честію и славою умѣти точно всѣ церковные напѣвы тропаровъ и кондаковъ, ирмолой, разумѣти уставъ и прочитать разумно »Апостола и Вѣрую«. О такой преданности для церкви и такъ явной любви для своего обряда якъ же мило днесъ подумати! Но правда, что говорится въ исторіи и о какой-то гордости тогдашнихъ бояръ, князей и др. интеллигенціи, я однако осмѣляюсь быти того мнѣнія, что вовсе не были они гордыми на подобіе фирісеевъ и поганскихъ вельможъ, а только сохранили въ себѣ по за церковью про весьма неспокойнія и опасныя политическія и

военные отношения и солдатскую суровость. Если же приходилось имъ исполнити что-то для церкви и обряда, или быти въ церкви, — о тогда показывались они душею и сердцемъ вѣрующими и ревными со всѣми, какъ родные братя и сестры. Что такъ было какъ говорю, и что еще въ одной части Руси такъ до нынѣ есть, свидѣтельствуетъ то звычай на Великденъ при послѣдней пѣсни стихіры Пасцѣ, которая гласитъ: »Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обѣимемъ; рѣмъ; братіе, и ненавидящихъ насть простимъ вся воскресеніемъ.«

Тая пѣснь разоружала всѣхъ и ровнала всѣхъ; всѣ шли къ себѣ, бѣдные и богатые, простые и интеллигенціе, благородные (!) и неблагородныя(!), они обнимались, целовались ради Христа ставались достойными Христовыми учениками.

Также могу я и то смѣло выскажати, что давнѣйше на Руси и вездѣ нынѣ тамъ, гдѣ русская интелигенція не позволила себе испортити вліяніями западной новокурсности и смертоноснаго либерализма, всѣ русскія интеллигентныя семьи: господа и госпожи, красавицы и юноши, а за ними и всѣ дѣти, церкви свои пламенно любили и люблять, и со всею точностю приисы своего прекраснаго и преславнаго восточного обряда исполняли и исполняютъ.

Церковь свою и обрядъ свой любити и хранити, — да это славно и спасительно. Разумные и добре воспитанные

христіане безъ церкви и обряда, и безъ стремленія ко высшему, небесному жить не могутъ, бо въ томъ только успокоеніе и счастье людей лежитъ.

Кто есть на столько честнымъ и характернымъ человѣкомъ, чтобы не называться пустословно христіаниномъ, тотъ, отличаясь вѣрою живою, вѣрою полною богоугодныхъ дѣлъ, будетъ любити церковь такъ, что поспѣшить къ ней всегда тогда когда заповѣдь поспѣшити повелѣваетъ. Когда внимательный человѣкъ посмотритъ по церкви въ святые дни въ время великой Службы Божіей, то увидить въ ней еще достаточно пестрое, т. е. достаточно мѣшанное собраніе вѣрныхъ въ городахъ, а въ селахъ такое собраніе прихожанъ, якое надѣялись бы можно. И такъ можно въ городахъ видѣти на Сл. Б. христіанъ изъ всѣхъ сословій обоего пола, даже чиновниковъ и военныхъ, а въ селахъ селянъ съ тѣми нѣсколькими лицами изъ интелигенціи, какія въ селахъ живутъ. Можно предполагати, что между тѣми интеллигентными, которые церковь, въ время Сл. Б. посѣщають, и такие находятся, которыхъ сердца правою и вѣрою Богу поклоняются, но можетъ случатись и то, что посѣщаетъ церковь кто-то больше изъ любопытства или изъ за такого внугренняго голоса, которому опертись еще не можетъ мимо якихъ-то своихъ сильно мірскихъ возвѣній.

Но совсѣмъ не такою представляется зрителю церковь на всѣхъ вечерняхъ, всеночныхъ и утреняхъ

кромѣ воскресной утреи, въ вѣчерь въ великомъную субботу: на тѣхъ то богослуженіяхъ видно и при найчисленнѣйшемъ движеніи людей майже только однихъ селянъ и мѣщанъ! Изъ того что же намъ заключати? Или недостатокъ любви обряда своего и недостатокъ пониманія святкованія святыхъ дней, или же ветхозавѣтную гордость, которая достаточно выражается новосложенными словами: »Егда кто посѣщаетъ вечерни, всенощныя и утрени отъ интелигенціи?« И можетъ-ли такій вопросъ имѣти мѣсто у истинно вѣрующихъ, просвѣщенныхъ и любящихъ Спасителя и свое спасеніе христіанъ? Но правда! Мнѣ разять на мои вопросы гдѣякіе: »У тѣхъ, которые на вечерни, всенощныя и утрени не ходятъ, можетъ быти красная и больше со- знателная вѣра, чѣмъ у тѣхъ простолюдиновъ, которые всѣ богослуженія прилежно посѣщаютъ, а мало что изъ нихъ разумѣють и на каждомъ шагу суевѣрію предаются. Да, это можетъ иногда случиться, но я извиняю малосознательную и суевѣрную религійность простонародія словами того Евангельского отца, который ко Іисусу сына бѣсповатаго ко исцѣленію привелъ, и сразу неспоручно вы- словился. Его заатаковалъ Іисусъ о вѣрѣ, а онъ обронилъ недостатокъ полноты своей вѣры словами: »Вѣрю Господи, помози моему невѣрію! (Марко зач. 40).«

Впрочемъ надо и сіе высказать, сто многіе изъ интелигенціи часто чуевѣрію предаются. Сколько то

разъ можно еще слышати отъ госпожъ и отъ господъ изреченія ка- сательно понедѣлковъ, яко днѣ тяжкихъ къ начинанію какихъ дѣлъ или ко выѣзду! Сколько разовъ ворожили собѣ что то злого гдеякіи изъ интелигенціи про- встрѣчу въ дорогѣ зайца или кого-то съ порожнею судиною, или первую на пути лиховѣщую особу лишь потому, что особа та явилась женщиной или священникомъ, а инымъ разомъ особу счастье при- носящую, лишь потому, что явилась она молодцемъ или жидомъ даже! Сколько то разовъ боялись интелигентныя лица аранжовать что-то дня 13 въ мѣсяцѣ, или бѣхати фіякромъ съ ч. 13, или обитати въ домѣ съ ч. 13, или же имѣти при столѣ гостей числомъ 13. А между тѣмъ есть себѣ въ каждомъ селѣ домъ (хата) съ ч. 13, и обитаютъ въ каждомъ та- комъ домѣ преспокойно простые крестьяне, хоть въ др. случаяхъ суевѣрные, — и почему же? Ибо нѣтъ у нихъ случайно суевѣрія до ч. 13. И сколько то суевѣрныхъ поговорокъ находится у интели- гентныхъ что до приготовленій къ вѣнчанію и что до приключений во время вѣнчанія! Не можно имѣти ни одного узла въ свадебномъ платю и ни одного короля (перлы) на шіи или въ перстени, иначе будетъ доля несчастная и много плачу — слезъ. — Упала обручка съ пальца; ссынулся вѣнецъ съ головы, загасла свѣща на тетраподѣ во время вѣн- чанія, будетъ несчастье, дерза- ють говорити неодин. А когда я помню про всѣ тѣ, интелигент- ными лицами аранжованыя вече-

какъ бы ни было предано мірскимъ наслажденіямъ, въ немъ невольно зазвучитъ нота лучшихъ чувствъ состраданія и человѣколюбія при воспоминаніи о томъ страшномъ попраніи ихъ, которое совершилось надъ Христомъ. Не всякий по опыту знаетъ всю глубину человѣческихъ страданій и ту бездну терзаній и мукъ, которая испытывается невинными при перенесеніи несправедливости; но тутъ онъ невольно переживаетъ все, чѣмъ только можно гнозити и оскорбити нравственную и физическую природу человѣка и, вслѣдствіе этого, по необходимости, научается больше дѣлнити всякую человѣческую личность, какъ способную выстрадати тѣ же унизенія и оскорбления, и начинаетъ больше понимати значеніе нравственного закона, обезпечивающаго справедливость на землѣ. Предъ нашимъ взоромъ исторія страстей Христовыхъ развертываетъ ужасающую картину торжествующаго зла. Какъ бы чувствуя приближеніе конца своему царству въ мірѣ, оно излило всю ярость своихъ разрушительныхъ силъ на природу человѣческую, и притомъ въ лицѣ ея величайшаго и всесвятѣйшаго представителя, въ лицѣ носителя самой добродѣти, именно въ лицѣ Богочеловѣка. И позорище всего для человѣчества, что зло нашло себѣ орудіе высшаго своего проявленія среди самихъ же людей, противъ которыхъ оно вело свою отчаянную борьбу, и притомъ среди тѣхъ, кто были выражителями высшихъ силъ, на которыхъ зиждалась самая жизнь человѣчества. Носителями высшаго рели-

гіозно-правственного закона были тѣ самые первосвященники и законники, которые въ изступленіи ослѣплніи требовали смерти Богочеловѣка. Носителемъ высшаго гражданскаго закона и политическаго могущества былъ тотъ самый прокураторъ Пилатъ, который изъ жалкихъ расчетовъ политики предалъ на смерть святѣйшаго и невиннѣйшаго изъ людей. И ваконецъ, однимъ изъ избранныхъ носителей истины царства Божія былъ тотъ самый Іуда, который въ ослѣплніи обуявшей его алчности продалъ за ничтожную сумму въ тридцать сребрениковъ драгоцѣннѣйшую землѣ жизнь, — ту жизнь, которой не стоилъ бы весь міръ, даже если бы опъ былъ однимъ сплошнымъ слиткомъ золота. По истинѣ вся эта исторія съ поражающею ясностью показываетъ, какимъ жадкимъ рабомъ грѣха и смерти былъ ветхозавѣтный человѣкъ!

При этомъ невольно возникаетъ вопросъ: неужели дѣйствительно зло могло окончательно восторжествовать надъ добромъ и въ состояніи было потушити въ человѣческой природѣ и ту послѣдовую искру добра, которая еще тлѣла въ ней и послѣ грѣхопаденія, какъ въ созданной по образу и по подобію Божію? Нѣтъ, съмѧ добра оставалось въ ней и въ самые высшіе моменты торжества зла и никакимъ силамъ ада невозможнно было окончательно подавити въ ней того голоса внутренняго сознанія высшаго пред назначенія, который раздавался и въ самой преступной душѣ, неотступно вопія о нарушеніи нравственного закона. Это мы вид-

димъ и въ моментъ высшаго торжества зла на землѣ, именно во время страстей Господнихъ. Намъ неизвѣстно, насколько громко неумолимый и страшный голосъ совѣсти раздавался въ груди главнѣйшихъ совершилелей величайшаго преступленія на землѣ — первосвященниковъ и Пилата, — іерархическая и политическая гордость могла скрыти въ нихъ отъ взоровъ посторонняго міра цѣлый адъ внутреннихъ терзаній, закончившихся для тѣхъ и другого тяжкими и зауженными ударами судьбы; но въ болѣе простой и безхитростной, въ менѣе дрессированной душѣ несчастнаго Іуды голосъ совѣсти прогремѣлъ за попранную справедливость съ такою грозною силою, что его не выдержала натура предателя, хотя онъ и сдѣлался вмѣстителемъ сатаны. Судьба Іуды Искаріота въ этомъ отношеніи представляетъ глубоко поучительный фактъ — не только въ нравственномъ, но и въ психологическомъ отношеніи. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты изъ его душевнаго состоянія въ страшный моментъ страстей Господнихъ.

Страшная сцена народнаго смятія, въ которомъ сѣдовласые первосвященники и высокоученые книжники, забывъ свое достоинство и великую важность, соперничали съ уличною чернью въ яростныхъ крикахъ: »распни, распни Его!« закончилась. Двоедушный и безсердечный Пилатъ, для котораго его служебно-государственная карьера была дороже правды всего міра, рѣшилъ пожертвовать Христомъ въ своюкорыстную угоду тому страш-

ному властелину, одинъ намекъ на недовольство котораго рисовалъ предъ нимъ всѣ ужасы закона объ оскорблениі величества, и съ высоты своего трибунала съ спокойною римскою важностью произнесъ послѣдній приговоръ и далъ послѣдній для его исполненія приказъ: *i, miles, expedi crucem* (иди, воинъ, приготовь крестъ). Этотъ простой приказъ слышали тысячи присутствующаго народа, и его несомнѣнно слышалъ и Іуда Искаріотъ. Цѣль его была, такимъ образомъ, достигнута; предпріятіе окончательно увѣнчалось успѣхомъ, и полученные сребренники теперь составляли уже его неотъемлемую собственность. Но, увы — этотъ успѣхъ не обрадовалъ его. Послѣдній приказъ Пилата прозвучалъ для него какъ грозный приговоръ надъ нимъ самимъ, и онъ менѣе ужаснулся бы, если бы вмѣсто этихъ спокойныхъ словъ прокуратора онъ услышалъ подъ собою трескъ земли, разсѣвшейся поглотити его. Въ полной власти силъ злобы онъ находился лишь до момента совершеннія самого предательства въ саду Геѳсиманскомъ. Уже тогда спокойное слово Христа: »другъ, зачѣмъ ты пришелъ? Цѣловаяніемъ ли предаешь Сына человѣческаго? — проникло его сердце остріемъ внезапнаго нравственнаго пробужденія и озарило свѣтомъ грознаго самообличенія, и онъ въ ужасѣ бѣжалъ съ мѣста своего сатининскаго злодѣйства. Ослѣпляющій духъ алчности могъ и послѣ этого поддерживать въ немъ бодрость самоизмышленными увѣреніями, что все совершится къ его — Іудину благо-

получю, но рана самообличенія уже начала зіяти въ его сердцѣ, голосъ лучшей стороны его внутренняго существа началъ раздаватися все сильнѣе — до степени нравственно-невыносимаго и грознаго набата, и искра добра стала все болѣе разгоратися въ всепожирающее пламя нестерпимой душевной муки. Іуда несомнѣнно присутствовалъ при всѣхъ перепитіяхъ суда и поруганій надъ Христомъ; онъ слышалъ и ругательства черни надъ Страдальцемъ, и взвизги бичей, и отзвуки заупеній, и безум-

ные, изступленные вопли: »распни, распни Его! Но можно быти увѣреннымъ, что самъ онъ далекъ былъ отъ всякаго участія въ этихъ звѣрскихъ неистовствахъ, и напротивъ, каждый взвизгъ бича какъ бы раздавался надъ его собственою спиною, каждое заупеніе болѣзнетно отзывалось на его собственныхъ, мертвенно-блѣдныхъ щекахъ, и вопли: »распни, распни Его«, какъ бы относились не къ кому другому, какъ къ нему самому — Іудѣ Искариоту.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поученіе въ Великій Пятокъ.

»Марія же Магдалина и Марія Іосіева зря-
стѣ, гдѣ Его полагаху« (Мар. XV, 41).

И мы, слушатели, собрались теперь въ сей святой храмъ, чтобы зрѣти положеніе во гробъ нашего Спасителя и Господа. Не можемъ зрѣти; вмѣстѣ съ Марію Магдалиною и Марію Іосіевою, самаго событія; будемъ, по крайней мѣрѣ, съ внимательностію сихъ святыхъ ученицъ Христовыхъ, зрѣти предлежащій намъ образъ этого событія.

Что же видимъ мы на предлежащемъ намъ образѣ? Видимъ гробъ; во гробѣ нашего Спасителя и Господа; у гроба пресвятую Матерь Господню; возлюбленнаго Его ученика и одну изъ ученицъ, особенно Его любящихъ. Видимъ и совершилелей погребенія Христова — Іосифа благообразнаго и Никодима, тайного ученика Христова. Видимъ даже и невидимыя тѣлесными нашими очами ангельскія лица. Видимъ и всѣ орудія казни и страданій Христовыхъ — крестъ, вѣянецъ отъ тернія, гвоздія, копіе и губу, лѣстницу и вервія. Видимъ и пѣтя — проповѣдника покаянія Петрова, и ковчежецъ съ написаніемъ 30 сребрениковъ — главную вину погибели Іудиной. Видимъ, наконецъ, и избранийшихъ проповѣдниковъ Евангелія Христова, для всѣхъ странъ свѣта, Матея, Марка, Луку и Іоанна. — О, сколько предметовъ для размышенія, сколько уроковъ для назиданія въ одномъ этомъ образѣ, намъ нынѣ предложенномъ!

Гробъ, видимый вами нынѣ, въ полномъ смыслѣ слова есть гробъ новыи, не потому только, что никто до Христа не былъ положенъ въ него, во потому особенно, что (непохожъ ни на какой другой) гробъ прежній. Всѣ бывшіе прежде него гробы были красны только внѣду, внутрьду же исполнены костей мертвыхъ, — горькаго сердцу и совершино безнадежнаго тлѣпія и разрушенія. Гробъ Христовъ не столько красенъ отвнѣ, сколько величественъ внутри; ибо изъ него, изъ этой погребальной пещеры, принадлежавшей нѣкогда Іосифу Ариамаѳейскому, по положеніи въ нее живоноснаго тѣла Христова, исторгся живоносный источникъ, оживотворившій и имѣющій нѣкогда оживотворити не только многія тѣлеса умершихъ святыхъ, тотчасъ послѣ смерти Спасителя, но и тѣлеса всѣхъ насть, когда настанетъ время нашего воскресенія и суда. Какъ же намъ не зреѣти образъ гроба Христова? Какъ не почернati изъ этого приснотекущаго источника и живо
вотворной силы и воши мура благовоннаго и для гробовъ, скрывшихъ когда либо и кого либо изъ близкихъ нашему сердцу, и для гробовъ, имѣющихъ пѣкогда скрыти и наши бренныя, грѣховныя тѣла.

Будемъ зреїти и Почищающе во гробѣ нашего Спасителя и Господа. Вспомнивъ о всей земной Его жизни, и всѣхъ Его подвигахъ и трудахъ, о всѣхъ Его лишеніяхъ и скорбяхъ, — воззримъ, воззримъ внимательнѣе и на крестныя, ужасныя Его язвы. Не за Себя, но за насть, грѣшныхъ и недостойныхъ все сіе потерпѣль нашъ Спаситель и Господь. И вся Его жизнь, и всѣ Его скорби и страданія посвящены были нашему благу, нашему спасенію. И теперь, хотя мертвъ и безмолвенъ явился Онъ предъ нами, но наука вѣчной жизни и спасенія, Имъ нѣкогда проповѣданная, и теперь на персяхъ и сердцѣ Его. О, если бы эта, наука къ коей мы всегда такъ холодны и равнодушны, содѣлалась отнынѣ самою близкою и къ нашему сердцу!

Будемъ зреїти и стоящихъ у гроба; зреїти прежде всего, Пресвятую Матерь Господа. Очи Ея наполнены слезъ о страданіяхъ и смерти Сына, но духъ Ея какъ всегда, такъ и теперь, вполнѣ преданъ святой волѣ Божіей; — да будетъ эта святая преданность въ волю Божію источникомъ утѣшенія и для насть, во всѣхъ постигающихъ насъ скорбяхъ и лишеніяхъ! Слезы Матери Божіей о Единородномъ Ея Сынѣ давно уже изсушены, но видя ихъ на предложеніи намъ теперь образъ и памятъ, что Матерь Христа есть Матерь и всѣхъ вѣрующихъ во Христа, недолжны ли мы придти къ той мысли, что можетъ быти и нынѣ, можетъ быти и о насть стоять Она въ слезахъ предъ престоломъ Божіимъ, моля намъ всего нужнаго для нашего блага и спасенія. Утѣшимъ же небесную нашу Ходатайницу и собственною, усердною заботливостію о нашемъ истиномъ благѣ и спасеніи.

Возлюбленный ученикъ Христовъ и ученица, особенно Его любящая, стоящіе у гроба и плачущіе, не смотря на близость пасхального

праздника іудейского, да вразумятъ и насть, учениковъ и ученицъ Христовыхъ, плакати болѣе всего о грѣхахъ нашихъ, не оставляти этого плача и при праздничныхъ торжествахъ нашихъ.

Совершители погребенія Христова, Іосифъ и Никодимъ, изъ коихъ одинъ уступилъ Христу приготовленную себѣ и своему семейству гробницу, а другой принесъ Ему сто литръ смѣщенія смирны и алоя, да научатъ и насть чтити память Христа, за насть пострадавшаго и умершаго, и посильными приношеніями въ Его святой храмъ, и заботливостью о меньшихъ бѣдствующихъ братіяхъ Его и нашихъ.

Святые Ангелы Божіи, предстоящіе гробу Христову, да напомнятъ намъ, что и отъ нашего гроба и наши души могутъ быти, подобно душѣ Лазаря, отнесены святыми ангелами на лоно Авраамово, — достойны ли онѣ только будуть этой неоцѣненной чести? Не сдѣлались бы онѣ добыченю діавола и ада!

Орудія казни Христовой да будутъ намъ всегдашними напоминаителями о самомъ для насть необходимомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самомъ трудномъ долгѣ, распинати нашу плоть съ ея страстями и похотями. — Проповѣдникъ покаянія Петрова да научить насть быти внимательными къ нашему покаянію, отъ кого бы оно намъ ни проповѣдалось. — Ковчежецъ Іудинъ да заставитъ насть тщательно провѣрити и наши ковчежцы — вѣтъ ли въ нихъ цѣны порока, цѣны неправдѣ, цѣны чьихъ либо слезъ и крови? — Святые Евангелисты, видимые нами на предлежащемъ образѣ, да вразумятъ насть не только самимъ поучатися тайнамъ нашего спасенія, но поучати имъ и другихъ, кого только можемъ и словомъ, и дѣломъ нашимъ.

Господи! Марія Магдалина и Марія Іосіева, зревшія нѣкогда, гдѣ Тебя полагали, зрять Тебя теперь уже не во гробѣ, а на божественномъ Твоемъ престолѣ! Даруй и намъ, зрящимъ Тебя теперь во гробѣ, узрѣти Тебя послѣ нашей смерти и во славѣ, и самихъ насть удостой небесной Твоей славы. Аминь.

